

DOI10.25991/VRHGA.2021.21.4.020

УДК 1 (091)

*К. Е. Нетужилов**

К ВОПРОСУ О ЛИЧНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ ПЕТРА I**

Данная статья посвящена обзору проявлений личной религиозности императора Петра I и их оценкам в отечественной историографии и публицистике.

Ключевые слова: Петр I, религия, церковь, православие, церковная реформа.

K. E. Netuzhilov

ON THE QUESTION OF THE PERSONAL RELIGIOSITY OF PETER I

This article is devoted to an overview of the manifestations of personal religiosity of Emperor Peter I and their assessments in Russian historiography and journalism.

Keywords: Peter I, religion, church, orthodoxy, church reform.

В исследовательской литературе, посвященной конфессиональной политике Петра I, часто содержатся взаимоисключающие оценки его личной религиозности. Как правило, в основе этих оценок лежит ряд эпизодов, зафиксированных современниками царя. Эти эпизоды, повторяя друг друга, буквально кочуют из поколения в поколение в научной литературе и публицистике. Свидетельства людей, близко наблюдавших Петра I на протяжении ряда лет и оставивших записки разной степени репрезентативности — Андрея Нартова [8], Якоба Штелина [16], Юста Юля [4] и ряда других, — давно и многослойно зацитированны. Приводимые ими сведения частично заслуживают доверия, частично относятся к жанру исторического анекдота. Тем не менее они прочно закреплены в исследовательском и еще больше — в научно-популярном или публицистическом пространстве.

* Нетужилов Константин Евгеньевич, доктор филологических наук, доцент, профессор, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики; konstnet@mail.ru.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–42008 «Петр Великий: pro et contra. Личность и реформы Петра Великого в философско-культурологической и политологической рефлексии. Российский опыт и зарубежные контексты».

С одной стороны, подчеркивается безусловная принадлежность монарха к православной традиции, связанная с воспитанием и первоначальным образованием. В этом случае указывается на любовь Петра I к церковному пению — царь сам пел на клиросе и читал в церкви Апостола, на отличное знание им всей церковной службы — Петр нередко поправлял в церкви священников, когда те сбивались или путались. Часто вспоминают знаменитый эпизод, имевший место в 1694 г., когда царь был застигнут сильной бурей в Белом море и горячо молился о спасении. Судно его добралось до Унской губы, где находился Пертоминский монастырь, возникший на месте погребения соловецких иноков Вассиана и Ионы, утонувших вблизи в середине XVI в. Петр провозгласил свое спасение их заступничеством и просил архиепископа Холмогорского Афанасия об обретении их мощей, что и было исполнено. На следующий день Петр самолично сколотил огромный деревянный крест, сам отнес его на берег и установил в том месте, куда ступила его нога после спасения. На кресте он сделал надпись по-голландски (!): «Сей крест сооружен капитаном Питером летом 1694 года». К числу также постоянно упоминаемых эпизодов, подчеркивающих религиозное мировосприятие царя, относится и письмо Петра I к матери, царице Наталье Кирилловне, присланное из Амстердама в 1693 г.:

Да о едином милости прошу: чего для изволиш печалитца обо мне? Изволила ты писать, что предала меня в паству Матери Божией; и, такова пастыря имеючи, почто печаловать? Тоя бо молитвами и претстателств(в)ом не точию я един, но и мир сохраняет Господь. За сем благословения прошу [9, с. 16].

Еще один известный эпизод в жанре исторического анекдота, характеризующий отношение Петра I к вопросам веры и часто приводимый в пример практически всеми исследователями и публицистами, связан с «наказанием» В. Н. Татищева. По возвращении из-за границы, куда он был отправлен на учебу, Татищев не только не скрывал приобретенного там поверхностного религиозного «вольнодумства», но даже бравировал им. Царь вызвал будущего историка для наставления и, ударив его дубинкой, произнес буквально следующее: «Не соблазняй верующих честных душ; не заводи вольнодумства, пагубного благоустройству; — не на тот конец старался я тебя выучить, чтобы ты был врагом общества и Церкви» [5, с. 330].

Все перечисленные и подобные им сюжеты обычно служат иллюстрацией к утверждению, часто встречаемому в консервативной публицистике и некоторых научных публикациях, о глубокой вере Петра I и безусловной приверженности его к православной церкви. С долей осторожности в данном случае можно говорить о некотором преувеличении. Многочисленные упоминания Петра о Боге и его религиозно-нравственные сентенции в публичном пространстве были не только данью традиции, но и эффективным дисциплинирующим инструментом.

С другой стороны, сохранилось множество свидетельств о явно антиклерикальном и просто кощунственном поведении Петра I. Решительная секуляризация всех без исключения государственных и социальной практик, регулярно сопровождаемая подчеркнутой антиклерикальной пропагандой (принимавшей порой гротескный характер), вызывала естественное оттор-

жение среди современного ему духовенства и значительной части общества. Первоначальное восприятие петровских преобразований носило в церковной среде резко отрицательный характер. Степень этого отторжения можно косвенно оценить по материалам дел Преображенского приказа, выполнявшего в петровское царствование роль тайной политической полиции. По подсчетам Н. Б. Голиковой, исследовавшей весь массив материалов фонда Преображенского приказа, до одной трети хранящихся в нем дел было так или иначе связано с «непристойными речами» духовенства [3, с. 130]. Под «непристойными речами» понимались отдельные выступления против Петра I и проводимой им политики, открытое выражение сомнений в его «истинности», утверждение о том, что он является антихристом, порицание его повседневного поведения, не соответствующего царскому сану, жалобы на введение иностранных обычаев, разговоры о пренебрежении царя к православию и т. п. Наиболее часто упоминается «Всешутейший и всепьянейший собор», где царь исполнял роль «протодьякона Петра» и лично инициировал злую пародию на обряды и таинства церкви. Это была открытая и дискредитация церкви как иерархической системы. Характерно, создание «Всешутейшего собора» совпало по времени с запретом на проведение настоящего Собора для избрания нового патриарха после смерти патриарха Адриана в 1700 г. Бывший учитель Петра Н. Зотов был назначен «всешутейшим патриархом», чин избрания которого сочинил непосредственно сам царь. Карнавальные мероприятия «Собора» происходили регулярно, и столь же регулярно возрастала их пародийно-кощунственная составляющая. Пародировались иконы, обряды, священнослужители. Кульминация была достигнута в 1715 г., когда «всешутейшего патриарха» торжественно женили.

Весь январь в Москве все были разодеты по указанию Петра в разные шутовские наряды, все шло в сопровождении грома музыкальных инструментов, медных тарелок, свистков, трещеток... с колокольным звоном всех московских церквей, с пьяными криками московской черни, которую царь приказывал поить вином и пивом с возгласами: «Да здравствует патриарх с патриаршей» [6, с. 672].

Важно иметь в виду, что «Всешутейший собор» прочно входил в повседневность петровского окружения. Он был не разовой акцией, его история насчитывает почти два десятилетия.

Широко известно отрицательное отношение Петра I к монашеству. Молитвенно-созерцательная аскетичная монастырская жизнь противоречила его картине мира. В преамбуле к знаменитому «Определению о монастырях» от 31 января 1724 г. император откровенно раскрывает свое отношение к иночеству, прямо сравнивая монастыри с гангреной в государственном теле:

...сия гангрена и у нас зело было распространяться начала... Понеже нынешнее житие монахов точию вид есть и понос от иных законов, немало же и зла происходит, понеже большая часть тунеядцы суть, и понеже корень всему злу праздность, то сколько забобонов, расколов, но и возмутителей произошло, всем ведомо есть... Прилежат же ли разумению Божественного Писания и учения? Всячески нет. А что, говорят, молятся, то и все молятся [10].

Известно, что Петр I принципиально отвергал и активно преследовал любые формы проявления «чудесного» или мистического. Популярный в народном православии феномен «плачущей иконы» мог привести его в ярость. Сохранились упоминания об эпизоде, когда по требованию царя во дворец был доставлен священник, в церкви которого замироточила икона. Петр потребовал продемонстрировать это чудо в его присутствии. Когда чуда не произошло, он приказал наказать священника кнутом, лишить сана и сослать в крепость [6, с. 670]. Точно так же преследовались слухи о разного рода чудесах и знамениях. За «разглашение видений и чудес» полагалось наказание кнутом с последующим вырыванием ноздрей и ссылкой на галеры.

Можно найти еще немало примеров проявления антиклерикальной составляющей мировоззрения Петра I. Их интерпретация включает самые разные варианты — от простой констатации протестантского влияния до отождествления царя («табашного безбожника») с антихристом. Историки и публицисты XVIII–XIX вв., оценивая соотношение церковно-государственной политики Петра I и русской религиозной традиции, чаще всего представляли царя глубоко верующим православным христианином. При этом допускалась поправка, согласно которой имели место элементы рационалистического подхода, которые стали результатом западного, протестантского воздействия со стороны части его окружения.

Следует признать, что круг источников, позволяющих объективно оценить личную религиозность Петра I, весьма ограничен. Если выйти за пределы проблематики, связанной с церковно-государственными отношениями этого периода и не касаться документов официального происхождения, то обнаруживается почти тотальный дефицит необходимой информации, позволяющей не предвзято оценить личное отношение Петра I к религии. Источники личного происхождения проливают очень мало света на этот сюжет. В письмах монарха (а эпистолярное наследие Петра I огромно) почти не встречается каких-либо размышлений, связанных с религиозной проблематикой [9]. В его личной библиотеке, где собрание книг составляло примерно 1700–1800 томов, хранилось относительно небольшое количество богословских, религиозно-философских или церковно-исторических сочинений [1]. Причем из таковых подавляющее большинство досталось Петру в наследство от отца царя Алексея Федоровича, брата Федора Алексеевича, а не приобреталось лично. В царскую библиотеку позже были включены и книги из собрания царевича Алексея Петровича и царевны Натальи Алексеевны, где религиозная проблематика была представлена гораздо шире. Дополнительно представлено очень небольшое количество книг религиозного направления на иностранных языках. Известно, что Петр I делал пометы в книгах в случае какого-либо практического использования или в целях исправления текста. В богословских и церковно-исторических изданиях отсутствуют пометы, сделанные рукой Петра I, что косвенно может свидетельствовать о незначительном интересе к ним. Исключение в данном случае составляют различные «Слова» и «Речи», произносимые иерархами церкви по торжественным, чаще всего т. н. «викториальным» случаям, т. е. являлись инструментом пропагандистского воздействия. Документально зафиксированы эпизоды, когда Петр I лично редактировал подготовленные

к выступлению, а затем и к публикации торжественные проповеди. В качестве примера можно сослаться на сохранившийся в царской библиотеке черновик Феофилакты (Лопатинского) с текстом благодарственной службы по поводу Полтавской победы с замечаниями и правкой Петра [7, с. 139]. Пропаганде достижений своего царствования Петр I придавал важное значение, о чем и свидетельствует собрание многочисленных рукописных и печатных экземпляров торжественных «Слов» в его личной библиотеке.

В официальных и личных текстах, вышедших из-под пера Петра I, встречается большое количество фразеологизмов, включающих слово «Бог» («с нами Бог», «воля Божья», «в руке Божьей» и т. п.). Но, как отмечает современная исследовательница И. Н. Ружинская, этого совершенно недостаточно для убедительного исследования личной религиозности царя [11, с. 94].

Скудность объективных сведений в этой области чаще всего компенсируется влиянием мировоззренческих установок самих исследователей, чьи оценочные суждения порой базируются не столько на анализе источников, сколько на собственном понимании гармонии взаимоотношений светской и духовной власти. Оценки конфессиональной политики Петра I нередко обусловлены общей исторической ситуацией и принадлежностью к конкретной социально-культурной или конфессиональной среде, формирующей изначально критическое или апологетическое отношение. Историки и публицисты XVIII–XIX вв., оценивая соотношение церковно-государственной политики Петра I и русской религиозной традиции, чаще всего представляли царя глубоко верующим православным христианином. При этом допускалась поправка, согласно которой имели место элементы рационалистического подхода, ставшие результатом западного, протестантского воздействия со стороны части его окружения. В связи с этим С. М. Соловьев, открывая лекционный курс, подготовленный в 1872 г. по случаю двухсотлетнего юбилея со дня рождения царя-реформатора, совершенно точно констатировал: «Долго относились у нас к делу Петра неисторически: как в благоговейном уважении к этому делу, так и в порицании его» [13, с. 10].

Первая в отечественной историографии попытка дать развернутую характеристику личного отношения Петра I к христианской вере и православной церкви принадлежит публицисту-славянофилу Ю. Ф. Самарину (1819–1876). В 1844 г. он защитил в Московском университете диссертацию о Стефане Яворском и Феофане Прокоповиче, позже изданную в виде журнальной статьи. Ю. Самарин отвергал известную точку зрения, согласно которой Петром Великим двигало простое желание всецело подчинить церковь царской власти. По мнению Самарина, целью Петра I было построение государства, в котором он был бы «полным властелином», а церковь, как составляющая этого государства, «была бы ему доступна в той мере, в какой она служит государству» [12, с. 107]. Что касается при этом самой религии, то в ней, по мнению Самарина, «Петр Великий видел необходимое условие могущества и благоденствия государства, основу народной нравственности, без которой не может быть прочного, истинного отношения между подданными и Государем» [12, с. 107]. Отсюда проистекало и отношение Петра I к духовенству, и особенно к монашеству — раз духовное сословие «имело назначение трудиться для государства, и более

никакого, то, следовательно, его устройство, управление, деятельность должны были услововливаются государством как частный орган целым [12, с. 165].

Из числа консервативных публицистов одним из наиболее ярких противников церковно-государственной политики Петра I был Л. А. Тихомиров (1852–1923). По его мнению, Петр I в принципе не понимал ни глубины православия, ни идеи своей власти, что и привело в результате к «вавилонскому пленению» церкви в рамках синодальной системы. С другой стороны, Тихомиров, не отказывая царю в религиозном чувстве, выдвигал при этом совершенно антиисторическую гипотезу, согласно которой петровское стремление к реформе церкви «появилось в детстве под влиянием мечты собрать силы для крестовых походов и освобождения Св. Гроба» [14, с. 314]. Излишне указывать, что ничего подобного никем и никогда не фиксировалось в исследовательской литературе.

Достаточно сдержанной по форме, но глубокой по существу является характеристика личной религиозности Петра I, сформулированная прот. Г. Флоровским. По его мнению, перестраивание церковного управления в России по образцу протестантских стран

не только отвечало его властному самочувствию, и не только требовалось логикой его общей идеи власти или «воли монаршей». Оно соответствовало и его личному религиозному самочувствию или самолюбию. В своем мировоззрении Петр был вполне человеком реформированного мира, хотя и в быту сохранял неожиданно много привычек и прихотей московской старины. И было что-то нескромное и нечистое в его прикосновении к святыне, не говоря уже о припадке его кощунственного буйства, в которых изливались тайные подполья его надорванной души [15, с. 117].

Религиозная картина мира Петра I, скорее всего, никогда не будет реконструирована полностью. Вероятнее всего, и сам царь не смог бы внятно ее сформулировать. С большой долей вероятности можно предположить, что она не была стабильной, а менялась с годами под влиянием различных обстоятельств. Петру была присуща внутренняя религиозность, что зафиксировано многими его современниками, а его внешняя антирелигиозность была направлена не против православия как такового, а против церкви как социального института. Причем последнее обстоятельство было следствием реакции на сопротивление со стороны духовенства модернизационным изменениям в стране. А. Нартов, современник Петра I, отмечал в своих воспоминаниях, что царь был

истинный богопочитатель и блюститель веры христианской. Подавая собою многие примеры как блюсти веру христианскую, император говаривал о вольнодумцах и безбожниках: «кто не верует в Бога, тот либо сумашедший, или с природы безумный... Зрячий Творца по творениям познать должен». Колико Петр Великий не терпел суеверия, толико, напротив, божественные почитал законы и чтение Священного Писания, Ветхого и Нового Завета любил [5, с. 332].

Личная религиозность Петра I сформировалась в результате синтеза традиционных представлений, характерных для московского придворного

общества конца XVII в., с теориями школы естественного права и принципом территориализма, предполагающим установление государственного суверенитета на соответствующей территории, в т. ч. и над находящимися на ней религиозными организациями. Не спасение душ в результате взаимодействия государства и церкви, а благополучная жизнь подданных становилась его главной целью. Соответственно ценность религии заключалась для Петра в ее этическом содержании. Соответственно в Церкви он видел учреждение, которое может принести пользу государству посредством морального влияния на свою паству.

Одна из лучших, на наш взгляд, характеристик религиозности Петра принадлежит перу архимандрита Иоанна (Экономцева):

Чувство мистического восприятия Церкви у него было атрофировано. Он был совершенно равнодушен к церковной догматике. Обряды вызывали у него скорее иронию и даже какое-то сатанинское искушение к пародийному фарсу... Безусловно, Петр бы обошелся без православного христианства — протестантские концепции были понятнее для него и более подходили для его целей, но они не имели никаких шансов укорениться в огромной стране, альтернативы православию не существовало. Царь мог пародировать православные обряды на всешутейном соборе, но обойтись без православия он не мог [17, с. 327].

Не сохранилось никаких сведений о религиозной рефлексии Петра I, о каких-либо эпизодах внутренней борьбы или ценностных конфликтах. В нем несомненно доминировала внутренняя цельность, в основе которой лежала идея служения государству. Собственно в этом служении Петр и находил, по всей видимости, исполнение долга перед Создателем. И. Голиков передает слова Петра, в которых в максимально концентрированном виде сформулировано понимание смысла его существования:

Я поставлен над всеми от Бога, и должность моя есть чтоб недостойному не дать, а у достойного отнять: если будешь хорош, то не столько мне, сколько себе и отечеству добра сделаешь, а если худ, то я буду на тебя взыскивать; ибо Бог с меня за всех вас востребует, чтоб злomu и глупому не дать случая делать вред [2, с. 401].

При всей своей внешней противоречивости религиозная картина мира Петра I вполне соответствовала духу Нового времени — рациональная составляющая выдвигалась на первый план, мистическая — вытеснялась на периферию. На смену тотальной религиозности постепенно приходил религиозный индифферентизм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библиотека Петра I (1709–1711). Указатель-справочник. — Л., 1978.
2. Голиков И. Анекдоты, касающиеся до Петра Великого. — 2-е изд. — М., 1798.
3. Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. — М., 1957.
4. Записки Юста Юля датского посланника при Петре Великом (1709–1711). — М., 1900.

5. Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. — Т. 2. — М., 1992.
6. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 3 кн. — М., 1992. — Кн. 3.
7. Мартынов И. Ф. Три редакции «Службы благодарственной о великой победе под Полтавой» // XVIII век. — Сб. 9. — Л., 1974.
8. Нартов А. К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого / предисл. и коммент. Л. Н. Майкова // Записки Императорской Академии наук. — СПб., 1891.
9. Письма и бумаги императора Петра Великого. — СПб., 1887–1907.
10. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. — СПб., 1830. — Т. 6: 1720–1722: [№№ 3480–4136]. — № 4022.
11. Ружинская И. Н. Религиозность Петра Первого в контексте витальной ситуации // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2019. — № 2 (179). — С. 94–100.
12. Самарин Ю. Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович // Самарин Ю. Ф. Избранные труды. — М., 2010.
13. Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. — М.: Наука, 1984.
14. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность // Тихомиров Л. А. Избранное. — М., 2010.
15. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. — М., 2009.
16. Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. — М., 1899.
17. Экономцев Иоанн (архим.). Национально-религиозный идеал и идея империи в Петровскую эпоху (К анализу церковной реформы Петра I) // Петр Великий: pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. — СПб., 2003.